

Анна ПАШКОВА

Автобиография

Родилась я в Пудожском уезде, Нигижемской волости, Подбережного общества, деревни Ярчевой. В семье у меня были отец и мать и две тети – старые девы. Нас двое детей было. Ну, тогда учили грамоте редко, особенно нас, девушек. Говорят: «Только письмо парням писать». Ну, я стала проситься в школу учиться грамоте. Брата не приняли, а мне 10 лет было – взяли. Учеба мне дала хорошо (я и сейчас могу рассказать все стихотворения, а хоть и закон Божий). Был у нас учитель, учители любили, хоть он и поколачивал ребят, как не умеют уроков, а меня-то не колотил. В классе было с трех приходов 4 девочки, а мальчиков – 28 человек. Потом поп просил, чтобы я дальше училась, и хотел устроить в гимназию, но у нас семья была маленька, и приучали дома грабить и косить. И желательно мне было учиться, да надо же родителям слушать. Как я в школу ходила, так все рукоделье носила. Я больша была – 10 лет. С мальчиками не играли. А как кончила ученье, так стала ходить гулять на вечеринки, на свадьбы. Но так и работать приходилось: рубили лес, валили – в дыму, как каторжники ходили, комаров по ночам кормили. Да как уж на ноги поднялась, так от родителей работушкой не была обижена. А одевали меня хорошо: жемчужна поднизь была (сеткой в одном месте звали). Шторные сарафаны да парчовые душегрейки. Мне еще не исполнилось 16 лет, как замуж сватали. Если бы тот посватал, который был мой ухажер, так, может, и вышла, а тут из чужой волости приезжал. И другие женихи сватали. До 20 годов уж я дожила девушки.

Семья у нас была согласная, и было у нас всего вдоволь. Работали много и жили хорошо. Мы родителей уважали, нас они любили. Коров у нас было пять, три лошади и было 2 надела земли. Хлеба всегда хватало, льну много было, 40 пудов льну продадим – вот-вот и деньги на расход. Но и муки было со льном. Нивья жгли. Как снег сошел – пойдешь дров заготовлять, потом валить, да так и год весь. Осеню мнешь его да мочишь, да белишь. Не умели иначе наживать, та и думали, что только и свету, что на запечье. А как бы мне учиться, так ведь было тако дарованье: учитель дает уроки, да уж на лету сделано.

Как стало мне 20 лет, так наша деревня вся сгорела в апреле, 26 числа. У меня много нарядов сгорело. Одни ботинки были форсисты, да один вынесла, а другой сгорел. Ну, а кой-чего вынесли хлебно, а скот спасся. В тот день на пастище был скот выг-

нан первый день. А у нас ведь как скот выпускали, да свечки жгли. Одна баба ушла угнать корову, а свечку оставила зажженную перед иконой, а свечка упала, постель загорелась, и потом пошло писать. Это что раньше было: какой-то денщик встречает генерала и ему рапортует:

– Ваше превосходительство, все благополучно, все благополучно, только Каштан околел.

– Говори, голова, отчего же Каштан околел?

– Все благополучно, ваше превосходительство, а так падали-то наелся да и сдох.

– Да какой же падали, говори?

– Да как конюшни погорели, да жеребцов-то сдуло, он и наелся. Все благополучно, все благополучно, ваше превосходительство!

– Да какие же конюшни?

– Теща умерла, поставили свечку, простины загорелась и... ваше превосходительство, все благополучно, все благополучно!

– Отчего же теща умерла?

– Как ваша-то жена убежала с офицером, она упала и умерла. Все и пошло, и ничего не осталось, одни головешки остались.

После пожара пришли родственники. Я тетку встречала, причитывала:

*Как идет гостья дальняя,
идет гостья долгожданная,
моя тетушка, добротушка,
старше буйная головушка.
А у нас теперь у бедных
ново чудо счудовалося,
большо горе приключилося,
потеряли мы селеньице,
да все хорошие строеньице,
все крестьянско заведеньице.
А я бедная горюющица
потеряла цветно платьице.
Одна глупая-то женщина,
неразумно молода жона,
зажигала воскову свечу
перед чудным перед образом,
она Богу неугодная.
Как от той от восковой свечи
поднималися дымоцики,
разносило огонецики.
Все огнем-то просветилось,
а головней да покатилося.*

После мы опоселились в другой деревни – 4 семьи в одной избе. Комнат нету, а изба одна. Летом хоть на сарае да в сенях, а зима пришла, да тут всем вповалку в одной избе спать. Я подумала, подумала, стали сватать, и пошла замуж. Понаслышке слышала, что он богатее меня, а дому не видела. А старше он был меня на 8 годов. Семья была 12 чело-

век. Свекровь, деверь, невестка, 5 человек детей и 2 воспитанника, а изба и черная печь. Как затопят, так дым облаком по избы. Ну, тут я и хватнула горя! Всё плакала. Но а дома нельзя было жаловаться, как не спускали. И скучала я, похудела тут и забеременила к тому же. А они-то ещё возносились, что взята без подарков, да ничего. Но а потом шубу на лисьем меху деверь купил, да и коренила потом невестка этой шубой. Я уж не рада и шубы была. Дом у них был худой. Они из бобылей с стеклянного завода пришли, а потом ничего, разжились. Скота тогда уже было много, да деверь за рыбны лова пустился. Четыре года я в этой курилке пожила, потом дом стали строить и выстроили дом двухэтажный большой, обшили; 12 топок в доме было. Все окрашено. А дома отец уже помер, и мать с братом остались, и тут я скучала. Тетушки умерли, стары уже были. Ксения-тетка много былин знала, много песен старинных и сказок. Былины и сказки от неё много научилась. Она за ставом поет и за прялицей поет, стихи тоже пела.

А в новой семье никого не любила. Деверь ко мне относился по-человечески. Все были неграмотны, а так-то жили дружно: 25 годов прожили в одной семье. Мужики на рыбной ловле, а я земельным делом заведовала: косила, пахала и все делала, а мне помогали. Потом пошли у меня дети частые (14 человек было выношено), а работы-то тяжелы, – всяко приходилось. На целый день уйдешь – одних оставишь. Только троих я и выrostила: 2 доцьки да один сын. Доцьки здоровые росли, а с сыном много горя приняла: двух с половиной лет сына разбило паралицем, простудился. Тяжело и вспоминать. До 12-ти годов не ходил. Ездила я с ним по больницам. В 1910 г. была, да предложили платить 50 руб., так и увезла. А потом в 1922 г. он сам захотел лечиться и

уехал, там он и учился, и поступил в Промышленно-экономический техникум, а потом заболел (а уж ходил тогда), вывезли домой, а он у нас и помер.

Лиза сюда в город замуж ушла. Мы со старицком остались двое. В 1930 г. нас раскулачили. Все в колхоз передали, нас не приняли. Старик помер, меня восстановили в правах. Я переехала в Петрозаводск. А сюда приехала, доць умерла, осталась я со внучкой, ей тогда 6 лет было. Отец Раюшкин (внучки) был арестован (имел торговлю мясом), дали пять лет, потом освободился досрочно. А теперь и не является к Раюшки, а в городе и не разрешили ему жить. А я теперь вот сижу да рассказываю, а раньше одной минуты не сидела. Одна вот огород раскопала лопатой. Сейчас две козы да огород есть, Раюшки денег когда пришлет отец, этто у соседок нянчу другой раз – ничем не брезгую.

По подголосицам не ходила, а причитаний много знала, как с этим горем пожила (сын-то больной был), так много причитала на работы, а свадебные – тые в девушки узнала. Век-то прожить – не поле перейти. Всяки были плачи: по покойникам, по солдатам. Песни знаю, а пела ма-

ло, голос неважный. Как был бы склад да голос, так напела бы на всю волость, а то не было.

Былины знала, а не пела. Другой раз на работы так про себя варандала. А научилась идти от тётушек, друго от Ильи Зубова. Был старик в Ярчевой. Горлан такой был. Еще коробейник был Данила – тоже пел: день ходит, а вечером мужики собираются, и поет. Узнала все почти в девушках, а потом еще Абросим Куплянский пел, слышала. Рассказывала в небольшой компании: сидишь-сидишь, да задремлешь за прялицей, и начнешь рассказывать сказки, а больше былины. Из былин больше Чурила Пленкович нравилась.

Группа карельских писателей. 1948 год.

Стоят слева направо:

А.Иноземцев, Т.О.Гуттари, Н.Т.Клименко, Ф.А.Трофимов.

Сидят слева направо:

А.М.Линевский, Ю.Никонова, А.М.Пашкова, А.Н.Тимонен